

«КОММУНИСТ ТАДЖИКИСТАНА»

Помня об азбуке мастерства...

ИНТЕРВЬЮ. ПОЧТИ МОНОЛОГ

ком Нагорничных, ставившим спектакль.

— Все, что открывал нам Юрий Иосифович в пьесе, может быть, и актерская азбука. Но иной раз режиссеры, начиная с середины, то есть минуя те самые азбучные истины, по сути, забывают о втором плане, подтексте пьесы, и тогда актеры всего лишь проговаривают текст. Оголять, делать зримой и действенной мысль — вот в каком направлении шли репетиции «Доброго часа». Сам же текст оказывался искусной маскировкой на-

стоящих намерений и настроений персонажей. Разница двух этих планов — текста и мысли — и давала актерской игре глубину, протяженность, ясность, возможность фантазировать.

Вот пример. Андрей рассказывает, почему он не пошел на экзамен (речь идет о поступлении в вуз). Он рассказывает как-то буднично, торопливо, хотя не поступить в институт — для него, его семьи едва ли не крушение надежд. А суть-то в том, что Андрей еще ищет свой единственно правильный жизненный путь, и он не уверен, что институт есть то, что надо. А тут другой герой, Алексей, спрашивает его: что же он, Андрей, дальше делать будет. И у Андрея все накопившее в душе точным «взрывом» ложится на текст пьесы: «И ты этот пустой вопрос задаешь!». Ведь как раз об этом

он и думал поверх своего рассказа.

В спектакле по пьесе, написанной более двадцати лет назад, много современных вкраплений. Одно из них — постоянный припев Андреем песни «Арлекино». Обязателен ли, не произволен ли он?

— Нет, ни в коем случае. Ведь Андрей скрывает свои проблемы под раскованностью стильного, модного мальчика, Андрея, легко скрывающегося под эдакой шутовской маской, не распространяясь долго о том, что у него на душе. Он обнаруживает, допустим, бестактность телеграммы, написанной его матерью, рвет телеграмму, а от объяснений перед друзьями увиливает — «Арлекино, Арлекино».

Еще одна сравнительно новая и большая роль Алексея Мордвинова — Тимотэ, слуга князя Пантиашивили в водевиле А. Цагарели «Ханума». С первых же спектаклей роль эта смотрелась, ловкого, веселого слугу князя Алексей играет легко, напористо, иронично. Казалось бы, роль сделана, рисунок ее практически неизменен...

— Образ Тимотэ дался мне, в общем-то. Без значительных усилий — он уже, собственно, «сыгран» в отличных диалогах Цагарели. Но оказалось, поначалу я недооценил, недостаточно обыграл отдельные обстоятельства: сметливость Тимотэ, его страсть к любого рода розыгрышам; и то, что мой герой находится у нищего князя, в пиковом положении. Что-то существенное откры-

валось мне в Тимотэ параллельно с работой над «Добрым часом». И сейчас, на мой взгляд, Тимотэ стал жить на сцене более осмысленно, всю его простоту я стараюсь подавать не напрямую, чтобы под яркой театральностью этого образа виделось и конкретное, реальное его содержание.

Я не думаю, что Алексей преувеличивает, говоря о легкости, с какой он подошел к Тимотэ на премьерных спектаклях «Ханумы». Его Тимотэ подвижен, изыщен, он поет и танцует, он в гуще всех событий водевиля и еще успевает взглянуть на них как бы со стороны. Так ли легко достигается подобная характеристика и непринужденность роли?

— Актер должен быть почти «универсалом», отлично владеть своим голосом, телом, свободно использовать сценическое пространство и так далее. Это та же азбука профессионализма. Ей меня учили в Харьковском театральном институте, ей я учился в театре им. Вл. Маяковского: «Трехгрошовая опера», «Проснись и пой!», «Именем революции», не говоря о небольших ролях в «Веселке», «Валентин и Валентина», «Уступи место завтрашнему дню», «Сирано де Бержераке»...

Несколько особняком в творческом списке А. Мордвинова стоит спектакль «Три мушкетера». Алексей не только сыграл в нем главную роль, он был режиссером этой инсценировки.

— Был, впрочем, в силу необходимости, можно сказать,

случайно. Но тяга к театральному «авторству», к режиссуре, однажды появившись, не исчезла. Веду занятия драматического кружка в Доме культуры железнодорожников. После постановки «Татьяны» по пьесе Т. Макарянской репетируем водевил В. Соллогуба «Беда от нежного сердца». Стараемся придать этому сентиментальному водевилю современно-музыкальную форму. Занятия в кружке, как ни парадоксально, — отдых от забот театра, переключение в иную плоскость, постоянные пробы, экспериментирование. На ходу приходится «расти» — осваивать режиссерские премудрости.

Творческая биография молодого актера Алексея Мордвинова пока сравнительно коротка. За недолгое время, впрочем, у него были не одни взлеты, актер познал и чувство творческой неудовлетворенности. Переиграв, скажем, в пьесе М. Рошина «Валентин и Валентина» почти всех студентов, Алексей так и не сыграл главного героя. Не реализована потребность артиста увидеть себя персонажем произведения классики.

Трудная и даже коварная роль 17-летнего Андрея еще раз доказала возможности А. Мордвинова, его эмоциональность, вкус. Дело — за дальнейшим осуществлением этих возможностей.

К. КОНСТАНТИНОВ.

НА СНИМКЕ: А. МОРДВИНОВ в спектакле по пьесе М. Шатрова «Именем революции».

Фото В. МЕРКУЛОВА.